

Виктор Д. ХЭНСОН

Виктор Д. ХЭНСОН

ТВОРЦЫ АНТИЧНОЙ СТРАТЕГИИ

АСТ
МОСКВА

УДК 355/359(100)“652”

ББК 63.3(0)32

T28

Серия «История войн и военного искусства»

Victor Davis Hanson

MAKERS OF ANCIENT STRATEGY.
FROM THE PERSIAN WARS THE FALL OF ROME

Перевод с английского Б. Сыркова

Серийное оформление и компьютерный дизайн Г. Смирновой

Печатается с разрешения издательства Princeton University Press
и литературного агентства Synopsis

*Книга предоставлена издательством
«Мидгард» (Санкт-Петербург)*

T28 Творцы античной стратегии. От греко-персидских войн до падения Рима / авт.-сост. Виктор Дэвис Хэнсон; пер. с англ. Б. Сыркова. — Москва: АСТ, 2015. — 315, [5] с. — (История войн и военного искусства).

ISBN 978-5-17-083319-1

Борьба с терроризмом и сепаратизмом. Восстания и мятежи. Превентивная война. Военизированная колонизация. Зачистка территорий.

Все это — далеко не изобретения XX и XXI веков. Основы того, что мы называем «искусством войны» сегодня, были заложены еще гениальными полководцами Греции и Рима.

Мудрый Перикл, гений Пелопоннесской войны.

Дальновидный Эпаминонд, ликвидировавший спартанскую гегемонию.

Неистовый Александр, к ногам которого царства Востока падали, точно спелые яблоки.

Холодный, расчетливый и умный Юлий Цезарь, безошибочно чувствующий любую слабость противника.

Что нового каждый из них привнес в искусство военной стратегии и тактики, чем обессмертил свое имя?

Об этом — и многом другом — рассказывается в увлекательном сборнике под редакцией известного специалиста по античной военной истории Виктора Д. Хэнсона.

УДК 355/359(100) “652”

ББК 63.3(0)32

© Princeton University Press, 2010

© Перевод. Б. Сырков, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

ВВЕДЕНИЕ

Виктор Д. Хэнсон

Книга «Творцы современной стратегии: от Макиавелли до ядерного века», под редакцией Питера Паре, солидный том объемом 941 страница, включает в себя двадцать восемь очерков, которые охватывают период с XVI столетия до 1980-х годов. Эта книга была опубликована издательством Принстонского университета в 1986 году, буквально накануне завершения «холодной войны». Следует отметить, что объемистый сборник Паре представляет собой обновленную и расширенную версию классической антологии из двадцати очерков под названием «Творцы современной стратегии: военная мысль от Макиавелли до Гитлера» (под редакцией Эдварда М. Эрла). Эта ранняя антология увидела свет на сорок с лишним лет ранее другой, в 1943 году, в разгар Второй мировой войны; в ее фокусе — личности военных теоретиков и полководцев, отсюда и слово «творцы» в названии.

Хотя тематика обеих книг — актуальность прошлых военных вызовов для настоящего, издание 1986 года сосредоточено в основном на американских проблемах. Главы этой антологии фокусируются не столько на отдельных личностях и их свершениях, сколько на вопросах стратегии и на характеристиках исторических периодов. Составители и авторы обеих антологий сознательно избегали проводить прямые параллели с реалиями своего времени, однако Вторая мировая и «холодная» войны неизбежно присутствуют в книгах,

так сказать, в фоновом режиме. Обе книги убеждают, что радикальные изменения в теории войн, характерные для конкретного периода, отнюдь не означают столь же радикальных изменений в самой природе конфликтов.

Напротив, работы настойчиво напоминают, что история ближайшего и более отдаленного прошлого имеет дело с теми же проблемами и опасностями, которые характеризуют бурное настоящее. Изучение военной истории наделяет нас познаниями, удивительно подходящими и для анализа современной ситуации, пусть изучать приходится факты почти неизвестные или прочно забытые; это тем более верно, если учесть, что стремительное развитие технологий обманывает многих, заставляя думать, что войну всякий раз «переизобретают» заново с появлением новых видов оружия.

ПОЧЕМУ ДРЕВНИЙ МИР?

Данный сборник можно рассматривать как своего рода предисловие к двум упомянутым выше антологиям. Наша книга напоминает своим подходом (не говоря уже об объеме текста) антологию 1943 года под редакцией Эрла. Десять статей сборника посвящены великим полководцам и стратегам древности, в том числе Ксерксу, Периклу, Эпаминонду, Александру, Спартаку и Цезарю. При этом историческая канва по возможности расширена и охватывает в целом тысячелетия человеческой истории (примерно с 500 г. до н. э. до 500 г. н. э.), но даже в точке, максимально приближенной к настоящему (поздняя Римская империя), отстоит минимум на 1500 лет от современности. В качестве отправного момента наш сборник, продолжающий тему творцов стратегии, опирается не на промышленные войны, как антология 1943 года, и не на высокие технологии высокоточного оружия, как антология 1986 года, но на так называемые «войны четвертого поколения». Конец XX века оказался для человечества смутным временем, в котором глобальность и мгно-

венность коммуникаций сочетались с асимметричной тактикой и новыми проявлениями терроризма, внедрением технологий наподобие беспилотных летательных аппаратов, приборов ночного видения, средств индивидуальной защиты и компьютерными системами вооружения, наземного и космического базирования. Тем не менее тема всех трех антологий остается неизменной — и неизменно актуальной: следует изучать историю, а не последние технологические новинки, чтобы надлежащим образом разбираться в характере современной войны.

По мере стирания формальных границ между обычной войной и терроризмом и по мере того как развитие технологий набирает темп и множит опасности конфликтов, становится все популярнее идея, что сама война превратилась в нечто, непредставимое для предыдущих поколений. Нашим предкам не приходилось сталкиваться с воззваниями террористов, выкладываемыми в Интернет и мгновенно доступными сотням миллионов глаз; а потому необходимо, как утверждается, разрабатывать совершенно новые доктрины и парадигмы противодействия этой угрозе. Однако, как показывают все десять статей нашего сборника, человеческая природа, провоцирующая конфликты, не меняется на протяжении столетий. А поскольку война велась, ведется и всегда будет вестись людьми, которые, сознательно или эмоционально, реагируют на вызовы довольно предсказуемо, можно говорить, что в нас заложена определенная предрасположенность к войне.

Данный сборник не только напоминает о том, что чем сильнее что-либо меняется, тем отчетливее оно остается неизменным; также он позволяет утверждать, что классические миры Греции и Рима предлагают нам уникальный инструмент оценки войн любой эпохи. Древние историки и наблюдатели были эмпириками. Они писали о том, чему сами были свидетелями, не беспокоясь о том, как воспримет их слова общественное мнение, — или о том, что их наблюдения могут противоречить преобладающим теориям и интеллекту-

альным тенденциям. Подобную искренность мысли и ясность выражения нечасто можно встретить в военных обсуждениях наших дней.

Мы многое знаем о войне в древнем мире. Греческие и римские авторы, создавшие историю как научную дисциплину, в значительной мере толковали ее как изучение войн, что явствует из произведений Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Полибия и Тита Ливия. И хотя большая часть древней истории ныне забыта, сохранилось достаточно сведений, чтобы довольно полно описать тысячелетие боев в греческом и римском мирах. В самом деле, мы знаем гораздо больше о битвах при Делии (424 г. до н. э.) и Адрианополе (378 г.), чем о сражениях при Пуатье (732 г.) или Эшдауне (871 г.). Опыт Греции и Рима также составляет общее наследие современной Европы и США; следовательно, он никак не соотносится напрямую с древними воинскими традициями Африки, Америки и Азии. В этом смысле западные проблемы XIX и XX столетий — объединение, гражданские войны, экспансия и колонизация, государственное строительство и борьба с мятежниками — имеют хорошо задокументированные прецеденты в греческой и римской истории.

Данный сборник анализирует древнейшие образцы нашего наследия, одновременно формулируя вопросы по самым свежим манифестациям войны на Западе. Греки первыми предположили, что человеческая природа неизменна, и, как полагал историк Фукидид, что их история будет значимой для последующих поколений, даже для нашего постмодернистского общества в новом тысячелетии.

СТАТЬИ

Авторам сборника было предложено выбрать темы, близкие их научным интересам, а не подгонять материалы под тематический шаблон. В целом, однако, читатели обнаружат в каждой статье краткое введение, характеризующее конк-

ретный исторический ландшафт и обозначающее основных персонажей, а далее следует анализ жизни и деятельности ответственного «творца» — государственного деятеля, полководца, теоретика или стратега, вкупе с оценкой его успехов или неудач. Затем рассматривается актуальность данной стратегии для последующих войн, в особенности для конфликтов нашего времени.

Статьи расположены в хронологическом порядке, от греко-персидских войн начала V века (490, 480—479 гг. до н. э.) до последних попыток отстоять рубежи Римской империи (ок. 450—500 гг.). Нужно отметить, что этот период в целом был периодом империй. Завоевание чужих территорий, с последующим установлением политического контроля над завоеванными землями, как правило, сопровождалось риторическими самооправданиями. Уже в первом очерке, касаясь темы империй и самооправдания, Том Холланд описывает первое крупное столкновение цивилизаций, первый конфликт между Востоком и Западом — попытку персов в начале V века до нашей эры покорить греческие города-государства, включить их в состав своей империи, что раскинулась в Передней Азии и поглядывала через Эгейское море на Европу. Имперская власть, как показывает Холланд, создает собственную мифологию завоеваний, собственные мораль, необходимость и неизбежность. Эти мифы ничуть не менее важны для военного планирования, нежели численность войск и материальные ресурсы. «Имперский вызов», полагает Холланд, присущ человечеству изначально и вовсе не является культурно приобретаемым. Имперская пропаганда отнюдь не проникла позднее в западную ДНК исключительно благодаря расцвету Афинской империи или экспансии Рима в Средиземноморье. Нет, империализм со всеми его противоречиями присутствовал в мире в незапамятные времена, когда греческие школьники узнавали об имперских амбициях их будущих хозяев и наставников — персов.

Поражение Персидской империи в начале V века до нашей эры привело к рождению Афинской империи. Сегодня

мы полагаем, что «империя» — термин сугубо отрицательный. Мы ассоциируем этот термин с принуждением, с эксплуатацией XIX столетия, и считаем империю неустойчивой политической конструкцией. Но, как показывает Дональд Каган во второй статье сборника, отдельные индивиды — тут он сосредоточивается на тридцатилетнем господстве Перикла в афинской политике и на рассуждениях современника Перикла, историка Фукидида, об его уникальности, — отдельные индивиды порой опровергают правила. Империи, особенно афинского типа, ни в коем случае не обречены на провал, если умеренные и трезвомыслящие лидеры, наподобие Перикла, понимают их функции и назначение. За несколько десятилетий власти Перикла Афины успешно защищали греческие города-государства от персидских атак. Перикл стремился обеспечить мир, сопротивлялся имперской мании величия, содействовал экономическому развитию, внедряя в Элладу унифицированную и комплексную афинскую систему торговли. Успех Перикла и крах тех, кто ему наследовал, своевременно напоминают, что до тех пор, пока имперские власти способны преследовать разделяемые обществом интересы, они непобедимы. Но стоит им сосредоточиться на самовосхвалении, империя неизбежно гибнет.

Физические средства защиты, то есть крепостные укрепления, помогали Афинской империи сохранять военное превосходство до тех пор, пока их не снесли. Мы думаем, что в эпоху сложных коммуникаций и воздушных ударов старомодные укрепления превратились в реликвии прошлого, а их военная ценность вообще весьма сомнительна. Но все чаще в наши дни наблюдается возрождение укреплений, зачастую дополненных электронными системами контроля, — на Ближнем Востоке, в Ираке, а также вдоль границы США с Мексикой. Современные стены и форты нередко служат последним оплотом обороны — в тех случаях, когда врагу удастся преодолеть более изощренную защиту. Дэвид Берки в третьей статье прослеживает эволюцию афинских крепостных стен, от начальных укреплений вокруг центра города до

Длинных стен от Афин до порта Пирей, длиной 6,5 км (IV в.), и до попытки защитить сельскую Аттику сетью приграничных крепостей. Эти строительные проекты отражают различные афинские экономические, политические и военные программы на протяжении более 100 лет. Тем не менее, как показывает Берки, общим для них было условие, которое хранило Афины от врагов и обеспечивало дополнительную поддержку и империи, и демократии. Государственные деятели, политики и технологии преходящи, зато укрепления в известной степени видятся неизменными и олицетворяют вековой цикл оборонительной стратегии.

Преимущество, принудительная демократизация и однопольность пост-иракского мира мнятся сегодня следствием современной американской политики — либо явлениями, по самой своей природе пагубно сказывающимися на судьбах стран и людей, им причастных. На самом деле эти идеи были в употреблении с начала западной цивилизации и оказались достаточно эффективными (впрочем, примеров обратного тоже достаточно). В четвертой главе я подробно анализирую весьма скудно описанное упреждающее вторжение в Пелопоннес фиванской армии под командованием Эпаминонда (370—369 гг. до н. э.); этого человека сами древние греки признавали лучшим среди своих лидеров, а как полководец он разительно отличался от Александра или Юлия Цезаря. К моменту своей смерти в 362 году Эпаминонд сумел кардинально ослабить спартанскую олигархию и сделал город-государство Фивы новым центром притяжения для всей Эллады. Он основывал новые крепости, освободил десятки тысяч мессенских илотов и изменил политическую культуру Греции, содействуя распространению демократического правления в городах-государствах. Как и почему он этого добился, каковы были его успехи и неудачи, — обо всем этом повествует моя статья, а главный вывод из нее таков: происходящее на современном Ближнем Востоке никак нельзя назвать уникальным. Афганистан и Ирак не первые и не последние страны, где мессианский идеализм сочетается с военной силой под видом

глобальной заботы о национальной безопасности и реализации долгосрочных интересов.

Великие полководцы в древности часто становились крупными общественными деятелями, неумолимо изменявшими широкий политический ландшафт, как до, так и после военных операций. Об Александре Македонском написано, пожалуй, больше, чем о любом другом представителе классической античности. Ян Уортингтон в пятой главе рассматривает идею Азиатской империи и трудности управления завоеванными персидскими землями с учетом сокращения македонского человеческого ресурса. Он рискует предполагать, что вводящая в заблуждение легкость первых военных побед над ослабленными неприятельскими силами постепенно сменяется борьбой с аморфным (и более упрямым) сопротивлением, очаги которого тлеют по всей империи. Даже военные гении узнают на собственном опыте нехитрую истину: мало завоевать и покорить, гораздо сложнее утвердиться и умиротворить территории, которыми завладел мечом. Александр обнаружил, что необходима культурная аннексия, чтобы завоевать сердца и умы оккупированной Персии. И приступил к исполнению этой задачи, но, будучи истым поборником эллинизма, Александр столкнулся с противодействием своим попыткам насадить культуру, которую он считал высокой и к которой надеялся приобщить покоренные народы; в итоге вполне прагматические усилия македонского царя оказались напрасными.

Двадцатый век показал превосходство западного вооружения. Передовые технологии, индустриальная мощь и институционализируемая дисциплина обеспечили армиям западных стран преимущество перед большинством других. Но когда схватка разворачивалась в тесных пространствах городских кварталов, когда в бой вели идеология и «чувство локтя», а не умоуловительные национальные интересы, когда в схватку ввязывались гражданские, — исход такого сражения был непредсказуемым. Джон Ли в шестой главе анализирует приемы и методы современной городской войны и проблемы, которые

порождает эта война для обычных пехотинцев. Те же самые проблемы (точные разведданные, поддержка местного населения, правильная тактика ведения боевых действий в условиях плотной застройки) вызывали немалый интерес древнегреческих военных теоретиков и полководцев, поскольку и в античности сражения часто перетекали с поля брани в стены полиса. Успешная тактика городской войны в древности нередко требовала радикального отступления от принятых способов боевых действий; сегодня тот же вызов предлагают нам террористы, мятежники и участники беспорядков на религиозной почве в секторе Газа и в Эль-Фалудже.

На самом деле нет ровным счетом ничего нового в различных способах, какими могучие империи устанавливают мир между различными народами на своей территории и вообще усмиряют подданных. Сьюзен Маттерн в седьмой главе анализирует методы, которые применял Рим для сохранения своей мультикультурной империи, и способы, какими римляне подавляли многочисленные восстания, вспышки терроризма и националистические мятежи. Почему подобные события относительно редки в полутысячелетней истории империи? почему они обычно затихали, почему римляне не полагались исключительно на превосходство своей армии и ее умение расправляться с повстанцами? Не менее важно наличие разнообразнейших (и коварнейших) механизмов завоевания «сердец и умов», которыми римляне пользовались без зазрения совести на покоренных территориях. Щедрая материальная помощь, дарование гражданства, римская система образования, единый свод законов, равно применяемых к своим и чужим, интеграция и ассимиляция чужаков в римской культуре — все это убеждало большинство народов и племен, что они больше выиграют от присоединения к империи, чем от сопротивления Риму.

Терроризм, мятежи, этнические или религиозные бунты — частые явления в жизни современного национального государства. Традиционные силовые структуры, разумеется, плохо подготовлены к боевым действиям на пересеченной

местности или к подавлению активности незаконных формирований, которым симпатизирует население. Впрочем, зачастую и мятежники мало что могут и умеют. В восьмой главе Барри Стросс анализирует восстания рабов в древности, особенно — широко известное восстание Спартака против римлян, и убедительно доказывает, что те, кто поднимают бунт, могут столкнуться с серьезнейшими препятствиями еще до столкновения с государственной властью. Если цели восставших простираются дальше террора и беспорядков и предусматривают массовый переход по равнинной местности, привлечение к восстанию населения или даже отчуждение больших и обустроенных территорий, — в какой-то момент придется отказываться от партизанской тактики и вступать в полноценное сражение с регулярной армией. Несмотря на романтический ореол, окружающий Спартака, его восставшие рабы не могли ничего противопоставить превосходной логистике, дисциплине и выучке римских легионов. Призыв к массовому освобождению рабов не был услышан итальянцами, оказался не в состоянии конкурировать с очевидными благами римского управления. Мы живем в эпоху жестокого террора и мятежей, но слишком часто забываем, что военное превосходство по-прежнему остается за национальным государством, особенно когда дело касается войны на его собственной территории.

Западные демократии и республики настороженно относятся к пресловутой фигуре человека на коне. Почему бы и нет, собственно учитывая прецеденты: что сделали для общества такие знаменитые всадники, как Александр Великий, Юлий Цезарь и Наполеон? Адриан Голдсуорти в девятой главе подробно описывает, как выскочка Цезарь, покорив Галлию, перехитрил и одурачил своих гораздо более опытных и искушенных в римской политике конкурентов. Голдсуорти подчеркивает, что использование вооруженных сил за рубежом неизбежно оборачивается политическими последствиями дома и может оказаться опасным для республиканского общества, мобилизовавшего превосходную армию, ничуть

не менее, чем для врага, против которого ее мобилизовали. Всякий раз, когда граждане приписывают победу в войне за рубежом гению единственного харизматического лидера, даже в конституционных государствах существует вероятность кризиса — если этот лидер решит перевести свою популярность в политический капитал.

Римская империя — ее возникновение и устойчивость на фоне внешней угрозы и внутренних восстаний, а также ее полководцы — часто выступает олицетворением тысячелетия стратегического мышления, которое рассматривается в данном сборнике. Почему, с военной точки зрения, Рим все-таки пал в конце V века? Большинство исследователей спорят, следовало ли придерживаться пассивной обороны границ или требовалось нападать самим; бесконечно обсуждается, можно ли назвать позднюю римскую политику мудрой. Питер Хизер в десятой главе отмечает, что силы Римской империи, которые, как мы полагаем, отсиживались за стенами фортов и крепостей, на самом деле, как явствует из записей тех лет, предпринимали пограничные рейды, чтобы предотвратить потенциальные вторжения. Хизер также напоминает, что так называемые варвары у границ Рима в последние годы империи сделались утонченнее, сплоченнее и переняли многие способы из тех, какими римские когорты обеспечивали себе победу на поле боя. В результате, мы узнаем не только о сложной римской системе охраны границы, но и о том, насколько сильнее в действительности были враги Рима. Если кратко, сложные военные механизмы не всегда удается точно откалибровать в соответствии с собственными культурными нормами; западные страны могут проиграть как из-за хитроумия врагов, так и из-за собственных ошибок и собственного упадка.

Как и историки древности, авторы сборника явно обеспокоены тем, сколь малому творцы современной стратегии и военного планирования учатся у классического прошлого, сколь решительно игнорируют его уроки. Тем не менее, в духе предыдущих антологий, мы избегаем давать идеологические характеристики современной политике.